

The book cover features a central illustration of a woman with long, flowing brown hair, wearing a blue cape over a white and blue patterned dress. She is looking directly at the viewer with a serious expression. The background is a dark, stormy sky with a bright lightning bolt striking down. A bird is flying in the upper left corner. The entire scene is framed by a decorative border with a repeating geometric pattern in shades of teal and blue.

ГРОЗА НАД СТЫНЬЮ

ЮЛІЯ ЯР

18+

Юлия Яр

Гроза над Стынью

<https://litres.ru/73998969>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда исчезает держащая мир — молния бьет в тех, кто остался. Ярина возвращается в родной город, чтобы узнать правду о почившей матери. Старый город трещит под ударами магии и лжи. На улицах зреет бунт, в катакомбах шепчутся мертвые, а в Совете правят те, кто давно забыл, что такое страх.

Кир - принц отверженных, мятежник и... палач знает, кто такая Ярина и почему ее кровь опаснее грома.

Он прячет за пазухой клинок и тайну. Друг он или враг, покажет время. У Ярины остались лишь обрывки воспоминаний — и буря, что растёт внутри.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Сердце укажет путь	12
Глава 2. Под сенью дней былых	20
Глава 3. Шепот под землей	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юлия Яр

Гроза над Стынью

Пролог

Далеко за горами, где деревья на горизонте сливаются причудливыми вензелями, а река устремляется вдаль так быстро, что теряет имя, сливаясь с гладью безымянных трясин, где болота дышат дымкой и говорят шёпотом, а снежные горные вершины вдалеке глаголят голосами Прави, стоит древний величественный город. И имя ему Стынь.

Он появляется и исчезает, по собственному желанию — среди низин, в петле старой дороги или за обвалившимся перевалом. Говорят, что такие города не строятся — они рождаются из недр земли по собственному желанию, когда где-то звучит песня, в которой слишком много правды. Их не рисуют на картах. Их нельзя запомнить. Но если ты однажды войдёшь в такой город — уже никогда не выйдешь прежним.

В этот вечер небо было натянуто, как струнная лира. В воздухе отчетливо пахло дождём, который почему-то никак не приходил. Птицы затаились в кронах, как если бы время остановилось, ожидая чего-то. И именно тогда вдруг пришли они.

Три вечельника.

Скитальцы и рассказчики. Странствующие певцы древнего. Не гусяры, не скоморохи — вечельники, те, чья песня может открыть трещины между мирами.

Шли они медленно, как будто прислушиваясь к дорогам. Под их ногами с треском рассыпались мелкие камешки, мостовая отзывалась гулом, в переулках гасли лампы. Одежды их были странны: плащи из шерсти, цвета пепла, сшитые из кусков шкур диковинных животных. В волосах — перья невиданных птиц, бусы из шиповника, верёвочки с рыбьими костями. Один нес перед собой большие гусли, другой — длинный мешок, третий — старую куклу без глаз.

На улицах города стало тихо, как в храме перед началом обряда. Люди выглядывали из окон, шевелили занавески. Дети жались к подолам, старики сжимали обереги.

На Пыльной площади, где жертвенные камни вросли в землю, словно кости, вечельники встали. Их лица были непохожи: один — гладкий, юный, с глазами без дна; другой — с трещинами, будто из старой доски; третий — с косицами, заплетёнными как свадебные ленточки, и шрамом на щеке.

Гусли зазвучали.

Глухо, изнутри.

Так поют, когда открывают не историю — а память мира.
«Когда был мир единым — зазвучало пение.

Люди говорили одним сном, и звёзды шептали их имена.
Но однажды слово треснуло.

И мир разломился.

Так началась легенда».

Рассказывали они, что в начале был Ткань, бесконечная, как дыхание. Всё — и камень, и кровь, и ветер — было сплетено в этой песне.

Но однажды один человек произнёс ложь — первую ложь в мире.

И ложь не смогла удержаться в песне.

Она треснула и оборвалась — как тонкая нить в порыве ветра.

И так появились три части:

— Явь, плоть и форма.

— Навь, тень и след.

— Правь, закон и замысел.

С тех пор каждое слово — как камень. С тех пор ни одно имя не звучит как прежде. С тех пор человек — сам себе враг, и мост между мирами.

И пока песня текла, как река через сердца, ветер изменился. Он как будто шёл внутрь. Проникал под кожу, забивался в нос, застилал глаза. Люди дрожали. Старуха у фонтана прошептала:

— Я слыхала эту песню давным-давно... когда мне было семь. И мать моя — тоже.

Пламя в лампадах дрожало. В домах отступала тень. В подвалах трескались стены. Кто-то вспоминал забытое, кто-

то впервые боялся, но не знал — чего именно.

А вечельники, закончив петь вынесли дары.

Один достал пучок трав — с зазубренными листьями и запахом сырых углей. Второй — кость, гладкую, как камень, сточенный и отполированный водой.

Третий — чёрную, обгоревшую и потрескавшуюся головешку.

— Иже еси остатки Первой Ночи, — сказал первый.

— Иже еси плоть той, кто знала Истинное Имя, — сказал другой.

— Иже еси древо, в котором звучит последняя капля дождя до разделения, — завершил третий.

Они положили их на землю. Нарисовали круг. И вновь запели:

Явь — то, чем дышит плоть. Навь — где живёт память.

Правь — то, что не свернёт с пути.

Толпа, собравшаяся вокруг затаила дыхание. Кто-то невольно вскрикнул. Где-то в отдалении захныкал ребенок.

Грядет....грядет... Погибель людская... – запричитали вечельники. – Коли не будут пройдены пути, что сплела судьба. Слушайте, люд Стынский, да внимайте словам нашим.

Три дороги суждено вам пройти, – захрипел блаженный старец.

Три звезды путеводные на них встретятся, – подхватил второй.

В двух из них ваша погибель и лишь в одной сокрыто спа-

сение, — усмехаясь прокричал самый молодой. — Лишь вам выбирать, по какому пути пойти!

Лишь только слова сорвались из его уст, как вздыбился дым из капища, поднялась пыль из круга священного — и явились в ней три облика девичьих:

Одна — с венком из чертополоха.

Другая — в чёрном, с глазами, как бездна.

Третья — с рябиновыми гроздьями.

— Это они, — прошептала толпа. — Это три.

Ветер завыл. Не волчий, не земной и в воздухе зазвучало:

Три дороги. Три судьбы. И гроза, что уже близко

И вечельники исчезли.

Как дым.

Как песня, которую не удержали.

***

Ярина проснулась так резко, будто кто-то выдрал её за волосы из другого мира. Тело вздрогнуло, пальцы сжались в тонкую, как паутина, простыню. Где-то в груди — не боль, не страх, а будто щепка застряла: сухая, острая, чужая. Дыхание сбилось, а по спине тонкими струйками, неприятно холодя, стекал пот

За окном выл ветер. Оконные рамы дрожали в такт дыханию улицы и гулко барабанившему по ним дождю. Где-то хлопнула ставня, и по стене пошла длинная, ползущая тень. Светильник на столике у изголовья едва теплел — масляная лампа догорала, выплёвывая дымок, что пах мокрой золой. В

комнате было темно и холодно. Узкие стены, побелённые известью, отражали тень от одинокого светильника — тот догорал, мерцая, как умирающий светляк. Где-то наверху скрипнула балка, зашевелилась мышь, и с потолка упала капля.

Ярина села на кровати, запутавшись в шерстяном одеяле. Сердце било в виски. В ушах всё ещё звучала песнь — не слова, а ритм, будто гусли играли внутри костей. Образы — три фигуры в пыли, круг на земле, слова, что пахнут гарью — Снова, — прошептала она и провела рукой по лбу.

Но комната была пуста. Деревянная полка с книгами скрипела от сквозняка. Рядом — кувшин с водой, надкусанный кусок лепёшки, учебник по древнеречию. Всё было обыденно. И в то же время не так.

Гимназия Чистых Дев — место строгости и порядка. Здесь не полагалось просыпаться от снов. Здесь полагалось читать уставы, писать перьями ровно, носить косу по линии скул и не задавать вопросов. Здесь каждый день был одинаков, как обед — перловая каша, укроп и тёплое молоко.

Крошечная угловая комната, гордо именуемая в гимназии опочивальня, скорее походила на келью, с потолком ниже, чем хотелось бы девичьим мечтам. Справа — столик из ольхи, неровно покрытый лаком. На нём — стопка книг, конспекты, привезённые сушёные травы, пузырёк с чем-то горьким. Над столом висел образ — не канонический, а пряный, местный: женщина с тройным зрачком и в венце из чертополоха. В углу — грубый платяной шкаф, скрипящий при

каждом сквозняке. Рядом — лавка с резными ножками, на ней — шаль, сбившаяся в ком. Ее когда-то выткала для дочери матушка.

Пол оказался холодным, до ломоты. Каменные плиты уложены неровными рядами, и в трещинах между ними затаилась мгла.

Ярина сидела, прижав колени к груди. Её лицо было бледным, губы — пересохшими. Во рту — отчетливо ощущался вкус пепелища, как будто сама Мара шептала ей прямо в рот. Грудь вздымалась и опадала быстро, но не от страха — от тяжести, которую не скинешь даже сквозь слёзы.

Сон ещё не ушёл.

Вечельники.

Трое. Пыльные, словно сотканые из праха. Пели — не словами, а сном. Их песня текла по венам, как тёплая грязь. Они клали на землю вещи, и земля отзывалась — то звуком, то светом.

А потом — она. Фигура в венке. Женские глаза, но не человеческие. Ярина не знала никого на свете с такими глазами.

— Снова, — прошептала девушка и потерла лоб.

Она встала. Кровь отозвалась звоном в висках и шумом в ушах. Натянула носки, шагнула к окну.

Туман окутал двор Гимназии. Вон там, через арку, виднелись клумбы с заросшими лилиями, рядом — треножник для сушки белья. Под ним кто-то оставил ленту — алую, как

кровь из сна.

Из соседнего крыла вышла дежурная сестра — сутулая, с фонарём. Ключи на поясе звякнули, как колокольцы. Она посмотрела в небо и перекрестилась по-старому — через плечо и под грудь.

И тут

Из темноты, будто из щели между мирами, донеслось:

Торопись...Гроза близко...

Ярина вздрогнула.

Это был не сон.

Это был **ЗОВ**.

Глава 1. Сердце укажет путь

Гимназия Чистых Дев стояла на отшибе, словно сама себя изгнала за городскую черту. Высокое здание, выложенное из тёмного бутового камня, возвышалось над поляной, как застывшее предупреждение. Его окна были вытянуты вверх, будто глаза, вечно обращённые к небу, а крыши — крутые, почти хищные, с чугунными водостоками, которые гулко свистели в ветренную погоду.

Над главным порталом, под кованым полукругом, красовалась табличка: «*В стыде — спасение, в послушании — свет*». Надпись выцветала с каждым годом, но ни одна из учениц не осмеливалась не прочесть её каждое утро, проходя внутрь. Кроме Ярины. Едва завидев эти строки, она опускала глаза и старалась поскорее проскочить мимо.

Внутри всё пахло воском, известью и мылом. Коридоры были длинными и узкими, как рёбра змеи, и каждый шаг по скрипучим половицам отзывался эхом, напоминая: здесь слышат всё. Стены украшали вышитые вручную таблички с наставлениями: «Склони голову — обретёшь мир», «Терпение — благословение». Полы натирались самими послушниками до зеркального блеска, но отражение в них казалось чужим, будто мир, отзеркаленный в этих коридорах, жил по другим законам, другим правилам.

Комнатки девиц — маленькие, белёные, без изысков и ка-

ких-либо украшений. Узкие кровати с шерстяными одеялами, табуреты, столики с чернильницами и лампадами, божественные лики в резных рамках. На полках — книги по древнеречию, уставы, молитвенники, травники. Ни зеркал, ни украшений. Лишь сухая лаванда в мешочках — допущенное утешение, чтобы не слишком страдать от тяжелого запаха сырости. Окна закрывались на крюки. За ними — лес и серый склон холма, где зимой выли ветра.

Настоятельница, матушка Стевана, была женщиной высокой, жилистой, с лицом как обветренный камень. В молодости, говорили, она пережила бурю на озере и поклялась служить порядку, который неподвластен штормам. Говорила она редко и тихо, но каждое слово врезалось, как гвоздь в доску. Лоб её всегда блестел от натёртого масла, а руки были шершавыми, будто она держит мир за шиворот.

Все наставницы в обители носили длинные светлые платья и накидки до пят. Они не назывались по именам — только по званию: Наставница Пеня, Наставница Грамоты, Наставница Трав. Их голоса звучали монотонно, как колокольный звон. Лица обычно скрывались под широкими капюшонами, а волосы — туго затянуты в пучки, будто память не должна была рассыпаться ни при каких обстоятельствах.

Правила были священны. Подъём — на рассвете, молитва — в тишине. Учёба — с трёхкратным повтором. Обед — без разговоров. Сон — строго с наступлением девятого часа. За смех — замечание. За лишние слова — дополнитель-

ное дежурство. За вопрос, не заданный в нужный момент, — лишение выходного. Ни писем, ни визитов, ни рассказов о прошлом. Сады при гимназии были строгими — аккуратно подстриженные кусты боярышника, аллеи шиповника, тисовые арки. Здесь не росло ничего, что могло бы дать цветы без разрешения.

Природа за забором была приучена к порядку: птицы прилетали по времени, трава косилась ровно, как строки в учебнике. Всё вне расписания считалось искушением. В воздухе царила неподвижность — будто само время боялось ступить сюда без разрешения. Даже ветер, залетая в окна, казался притихшим, вытирающим ноги.

Только в часы между молитвой и ужином, когда тени ложились на стены, в Гимназии слышался настоящий звук — как будто кто-то, давно забытый, дышал в чердаке.

Но ночь была иной.

В тишине коридоров звенело нечто постороннее. Не от мира сего, не от устава. И среди этой тишины — одна девица сидела у окна, с книгой, которую не читала. И знала: пора нарушить правила, вырваться из плана, отринуть уклад, который не знает, что значит искать правды.

Ночь была глуха, как заброшенный колодец. Стены гимназии спали, но сердце Ярины стучало так громко, что казалось — её услышит вся округа. Она лежала под шерстяным одеялом, смотрела в потолок, где в паутине блестела капля росы, и думала.

Она не умела быть послушной.

С самых первых дней в гимназии её называли трудной — не потому что спорила, а потому что *думала*. Она ловила взглядом нелепости в распорядке, замечала ложь в голосе наставниц, чувствовала фальшь в хоре ученических голосов. Уставы были как тюремные решётки — и она годами ломала их взглядом, будто надеясь, что в какой-то день прутья согнутся.

Но настоящая трещина в ней появилась сегодня, когда во сне пришли вечельники и сказали свое слово. После того сон её стал рыхлым, как снег весной. А память — остро пахнущей травой, которой полощут боль.

Она перевернулась на бок и тихо прошептала:

— Ивла

Подруга, сонная, ворчливо отозвалась:

— М-м чего?

— Ты знаешь, ко мне во сне явились вечельники...

В комнате было полутемно. Светильник догорал, отражаясь в стекле, где плясали блики. Ивла поднялась на локте, волосы рассыпались по плечам. Лицо у неё было бледное, серьёзное, неожиданно взрослое.

— Почему ты говоришь об этом сейчас?

— Потому что мне снится Стынь. Потому что они пели. Потому что... — голос Ярины дрогнул, — потому что что-то зовёт меня назад.

Ивла долго молчала.

Потом вздохнула, тяжело, как старуха.

— Ладно. Я тебе скажу. Но только один раз.

Ярина села. Комната вдруг стала тесной.

— Варну боялись, — начала Ивла. — Она была жрицей, не просто целительницей. Она знала такие слова, которые разрывают небо. Говорят, она могла войти в Навь — и выйти. А когда однажды перешагнула черту, из Правы пришли люди. Они говорили, что Варна хранит запретное.

— Что значит «запретное»?

— То, что не должно быть живым. То, что нарушает ход. Судьбы, тени, имена.

— Она бы никому не навредила!

— Но мир не делится на вред и благо. Он делится на тех, кто боится, и тех, кого боятся. Варну боялись. Потому и пришли.

Ярина сжала колени. В горле стоял ком, будто кусок глины.

— Я не могу тут больше. Я должна идти. Я должна знать, что было.

Ивла посмотрела в её глаза, не отводя взгляда. Потом потянулась под подушку и достала сложенную вчетверо схему.

— Вот задний двор. Видишь? Лавка у стены. Там растёт ладанник. За ним есть щель. Пролезешь — и выйдешь к тропе. А потом — сама.

— Ты сможешь?

— Если задержат — скажу, что ты болела. Что я не слы-

шала. Но знай, Ярина: за пределами гимназии — нет прощения. Там спрашивают по-другому. Там не за косу накажут — там за взгляд убьют.

— Значит, туда мне и надо.

Подруга вздохнула.

— Ты не из тех, кто выбирает простое. Варна жива в тебе.

И это, возможно, беда.

Они обнялись — коротко, сильно, будто на прощание. А за окном ветер шептал о грядущем. В звуке сквозняка проскользнули три слова:

Гроза. Возвращение. Истина.

Ночь в гимназии казалась неподвижной, как застывшее заклятие. Коридоры дремали, в лампадах тлел огонь, тусклый и вялый, будто сам боялся разгореться. Часы на башне пробили три — глухо, словно в подушку. Время, когда всё живое или спит, или молится, или умирает.

Ярина стояла у двери, босиком, в простом сером платье, в шали с вышивкой чертополоха — её матушка ткала эту шаль перед самым исчезновением. В руках — холщовый мешок с самым нужным: сухари, фляга, карта, травы. Волосы заплетены, как учили, но в глазах — не гимназическая покорность, а что-то иное.

Решимость.

Острая, как игла.

Ивла ждала в коридоре. На ней был тёмный халат поверх рубахи, в руках — фонарь, зажжённый ровно настолько, что-

бы видеть ступени, но не светить в окна.

Она поднесла палец к губам — *тихо* — и двинулась вперёд, мягко, как кошка. Они шли, почти не дыша. По лестнице вниз, мимо статуи Женщины с Закрытым Лицом. Мимо кабинета наставницы, откуда всегда пахло перцем и медью. Через прачечную, где в воздухе висел кисло-горький запах мыла и плесени.

Ярина запомнила каждый изгиб, каждый скрип. Во дворе — сыро, от земли тянуло могильным холодом. Луна пряталась за облаками, и только в окнах высоко горело несколько точек света. Где-то во дворе взвизгнула мышь, и Ивла замерла, сжав фонарь.

Ярина схватила её за локоть.

Ночь сгущалась, но страх уступал место чему-то иному — освобождению. Они подошли к лавке у стены — старая, покосившаяся, заросшая мхом. За ней, за кустом ладанника, была узкая щель между валунами. Сюда редко заглядывали даже дежурные наставницы. Когда-то, возможно, здесь был задний ход или тропа для поставщиков — теперь забыто, как и многое в этих стенах.

— Дальше ты одна, — прошептала Ивла.

— Спасибо, — Ярина обняла её быстро, по-детски, но с силой.

— Если вернусь — расскажу, что узнала.

— Только не возвращайся сломанной, — сказала Ивла, и глаза её блеснули.

— Возвращайся сильной. Ярина пролезла в щель. Камни впились в кожу, но она не заметила боли. За стеной — темнота, лес, звуки далёких сов, и... запах свободы.

Она не обернулась.

Потому что в ту ночь за её спиной осталась только клетка. А впереди был путь — в Стынь, к правде, к матери, к себе.

Глава 2. Под сенью дней былых

Время близилось к полуденной. Серая черепица покатых крыш городских зданий раскалилась под жгучими лучами солнца и стала походить на одну большую жаровню. Сухой пыльный воздух тяжестью опускался на легкие всякому, кто пытался вдохнуть его полной грудью. Горячие брусчатые камни, коими были выложены узкие длинные улицы города, прожигали даже сквозь дубленую кожаную стельку добротных сандалий прохожих, рискнувших появиться на улице в самый солнцепек.

Среди местных горожан, впрочем, подобных смельчаков не находилось. И улочки древнего города были пусты, глухи и немы.

Стынь издыхал от жары.

С той поры как бесследно исчезла последняя Варна - жрица Грозового предела, древний город не знал дождей. Живительная влага обходила его стороной, оставляя поля с посевами без внимания.

Стынь выживал за счет торговли с иноземными купцами и непомерно большими податями, которые год от года все более душили местный народ. Городской Совет Старейшин, вольготно расположившийся в палатах главной городской Ратуши, не сдерживаемый более Варной и четой ее верных последователей - жрецов, все более и более затягивал

петлю налогов на шее несчастных подданных, погружая город в пучину хаоса и беззакония.

И теперь по узким горячим улицам Стыни шел тот, чьими руками и топором советники наводили порядки среди недовольных властью горожан.

Кир, про прозвищу Ярый, главный палач синода и подручный самого Пивнаса Первого - главы совета старейшин. Всякий местный горожанин знал - лучше не переходить дорогу Киру и упаси боги от худой мысли в сторону его высокородного хозяина. Один взмах тяжелого топора Ярого и голова твоя покатится по булыжной мостовой что переспелая репа.

Палач оказался единственным прохожим на улице в это жаркое полуденное время. Он шел спокойно и размеренно, не таясь. Полной грудью вдыхая пыльную духоту Стыни, не обращая внимания на противные струйки пота, что сбегали по челу и спине под грубой льняной рубахой. Поступь его была тверда и тяжела, как у всякого, кто не подвергает сомнению себя и свою силу.

Палаты городской ратуши оказались такими же пустынными как и улицы снаружи, хоть и встретили приятной прохладой. Но нахождение здесь не приносило облегчения и не добавляло радости. Слишком уж хорошо Ярый знал те секреты, что скрывают местные стены.

Он уверенно прошел по длинному коридору и поднялся по узкой винтовой лестнице под самую крышу одной из башен ратуши. Подошел к толстой дубовой наглухо закрытой

двери и внезапно остановился.

Мужчина точно знал, что увидит за этой дверью, но даже ему, заматеревшему волку, нужна была минута-другая чтобы подготовиться.

Ярый глубоко вздохнул, предчувствуя скорый приход неизбежного и осторожно толкнул дверь.

Несмотря на видимую массивность, та отворилась бесшумно. И глазам палача явилась поистине отвращающая картина.

Просторная, совершенно круглая комната с серыми каменными стенами, покрытыми вульгарным красным бархатом. Массивная мебель из ценных пород деревьев, выкрашенная золотыми и медными красками: стол с яствами, стул на резных ножках рядом с таким же буфетом и гигантский шкаф у стены. Но главным украшением сего убранства служила огромных размеров кровать, с бархатным балдахином и четырьмя резными столбами по бокам. Ее разместили ровно посередине комнаты - как центр этой чьей-то вселенной. И хозяин этой вселенной был под стать обстановке.

Пивнас Первый - глава синода, подобно патрицию вальяжно возлежал на парчовых простынях кровати. Жирный и потный с лоснящейся волосатой шкурой издалека он походил на борова. Полы его длинной накидки разъехались в стороны открывая огромный тугой как барабан живот. В руке сенатор держал латунный кубок, полненный красным вином и то и дело из него прихлебывал. Между его широко раски-

нутых ляжек сидела юная девушка и активно трудилась. Даже беглого взгляда хватило бы, чтоб понять, что девчонка сильно моложе допустимого возраста в такого рода отношениях.

Ярый не переступил порога этой горницы и не проронил ни слова. Лишь длинная тень, что вкрадчиво потянулась к кровати, обозначила присутствие палача.

- А-а-а-а, ты уже здесь, - проворчал Пивнас и лениво взмахнул рукой в сторону девчонки. - Прочь, милая, дела не ждут.

Та подняла голову и в комнате раздался характерный чмокающий звук, эхом откатившийся от каменных стен. Сенатор поморщился и раздраженно гаркнул:

- Совсем ополоумела? Чему вас только в школах учат?! Пшла отсюда!

Девушка вылетела из комнаты как пущенная стрела.

- А ты не стой пнем, - обернулся сенатор к Ярому. - Зайди сюда и дверь прикрой.

Палач сделал один шаг и ступил в горницу ровно на столько, чтобы дверь за его спиной свободно закрылась.

Глядя на мнущегося на пороге молчаливого подручного, Пивнас устало выдохнул:

- Иногда я думаю, что та ночь все же повлияла на тебя и лишила разума...

Ярый чуть заметно мотнул, давая понять, что не согласен с этим. Впрочем его мнение никого в этой комнате не инте-

ресовало.

- Ладно, хватит прелюдий, - словно бы одернув самого себя, сказал Пивнас. - Перейдем к делу.

Он подошел к окну и задумчиво взглянул на опаляемый солнцем город.

- Без Варны тяжело. Она со своими жрецами умела призывать дождь, - вздыхая признался он. - За столько лет земли вокруг и сам Стынь превратились в выжженую пустошь. Если и дальше так пойдет - народ обречен на погибель. Я - как верховный правитель и председатель синода обязан заботиться о своих подданных и давать им то, в чем они нуждаются.

Палач поднял голову чутко ловя каждое слово хозяина. "Искренняя" забота о подданных не ввела его в заблуждение. Ярый прекрасно знал цену таких вот "бесед по душам".

Пивнас в своих разглагольствованиях точно змей, оплетался вокруг тебя и пытаюсь расположить своей добротой и душевностью. Но стоит тебе на минуту отвлечься и потерять бдительность, как он разевает пасть и наносит смертельный удар, от которого тебе уже не оправиться.

Палач ждал, когда Пивнас озвучит приказ.

И тот не подвел.

Повернувшись с подчиненному, он прищурил глаза и быстро произнес:

- Мне донесли, что ее старшая дочь сбежала из гимназии, где училась и направляется сюда,- Пивнас подошел к Ярому

вплотную, вложил в руку кошель золотых и прошептал. - Как только она пересечет границу этих земель - убей девчонку!

Палач не ответил. Развернувшись на пятках он безмолвно покинул комнату, ступая удивительно тихо для его коренастой комплекции. Когда дверь за ним закрылась, Пивнас глубоко вздохнул и плечи его заметно ссутулились. Бесы знают почему, но этот малый всегда вызывал у него чувство некоторой неприязни. Может быть даже страха, хоть в этом сенатор не готов был признаться даже самому себе. Было что-то неуловимое в молчаливом взгляде юноши, что заставляло копошиться могильных червей где-то на самом дне его мерзкой скользкой душонки.

Пивнас потер шею и сплюнул прямо на пол. Комок зловонной жижи медленно расползлся по натертому до блеска полу, уродуя и оскверняя все вокруг. Чего бы не коснулась плоть Пивнаса, все немедленно покрывалось гнилью. Так было всегда. Начиная с того момента как его мать, блудница с нижних улиц, произвела его на свет в одной из сточных канав недалеко от городских стен.

С той поры минуло много лет, и он уж давно прибрал к рукам непокорный город, но гнилое чрево, породившее его, всегда напоминало о себе. От этого никуда не деться и не сбежать. Он пробовал бесчисленное количество раз, но неизменно проигрывал. И в какой-то миг оставил эти попытки.

Пивнас потряс головой, возвращая мысли к своему палачу. За все те годы, что они рядом, сенатор не припомнил,

чтобы Ярый хоть раз сказал что-то более длинное, чем «как скажете», «я понял» или «будет сделано». Он вообще был крайне скуп на слова, эмоции и хоть какое-то участие в ситуации. И Пивнас справедливо пришел к выводу, что его палач - человек неполного ума. Что, в общем-то, оказалось даже на руку. Ведь Ярый с самого малства, как Пивнас подобрал его в вырезанной им же самим деревне, никогда и ни в чем его не подводил. Более того, несмотря на свой юный возраст, мальчишка уже тогда стал самым исполнительным среди всех, даже взрослых, подручных молодого Пивнаса. Поэтому глава синода был совершенно уверен - Ярый и теперь его не подведет.

Палач покинул городскую ратушу так же бесшумно как и появился в ней. Но не тем путем, которым вошел.

Глава 3. Шепот под землей

Дорога под его ногами извивается бурой гадушкой. В воздухе стоит тяжелый запах болотной жижи. Кромешная тьма застилает глаза. Где-то мерно капает с каменных сводов вода, где-то вдалеке журчит в канаве сточная вода. Ни зги не видно, каждый шаг словно прыжок веры - наощупь. Но Кир уверенно идет вперед. Дитя катакомб - каждый аршин этих мрачных подземелий ему знаком и близок.

Катакомбы - укрытие.

Катакомбы - цитадель.

Катакомбы - дом.

И все, что шепчут тихим голосом здешние стены, находит отклик в его, Кира, сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.